

Разговор с кроссовками, или Конжак 2024

В минувшую субботу, первую субботу июля, гору Конжаковский камень накрыла легкая тектоническая дрожь, с одной стороны более тысячи бегунов стали вращать земной шар от себя в сторону вершины, а с другой - сама атмосфера и непреклонный дух горы не терпит легкомысленного отношения, свистодуйства и шапкозакидательского настроения, поэтому волнение участников также прибавляло вибраций к той огромной ползучей змее, которая стала наползать на точку 1569 метров над уровнем преодоления самого себя, оставляя за собой горячее дыхание, опустошенные бидоны с ключевой водой и выпотрошенные столы со спортивным питанием. Жара как густой сироп создает дополнительное сопротивление, зной по своей пронзительности заглушает высокогерцовый гул насекомых, гранит и кварц, раскаленные полуденным солнцем, слепят и рассыпаются мелкими зеркалами в сетчатках глаз бегунов и чешуе всей этой громадной змеи.

Несколько пунктов питания, которые как чудо в тридевятом царстве, из ниоткуда, возникают горами еды, дров, питья, особенно на вершинном лагере - откуда, как, из какого рукава? - это же каторжный труд поднимать бутылками воду, дрова вязанками, все на своей спине, корма и фураж для тысячекревного спортивного отряда. Это подлинные герои Конжака - незаметные, неприметные, особенно штурмовой, вершинный отряд под водительством ранее бессменного Виктора Васина, а ныне Дмитрия Котельникова, это, конечно, не только волонтерство и добровольное участие, но и просто любовь, возвышенная и в прямом, и в переносном смысле, как к горам, так и к этой массовой манифестации спортивного духа, этого парада воли, жажды победы, пусть и, прежде всего, над самим собой. Герои Конжака - это их личная, в самом глубинном смысле, жизнь, потому что все остальное сразу, моментально и безоговорочно переходит на задний план, занимает очередь по вторичной, остаточной иерархии, по отношению к которой Конжак стоит обособленно, приоритетно, ибо он выше и превышает всех прочих дел. Это настоящие герои, а их в совокупности порядка 200 человек, и их надо отмечать и грамотами городских округов, а отдельным героям и вообще присваивать звания почетных граждан.

Александр Никишов, Александр Кольздорф – сами энтузиасты длинных дистанций с большим стажем и выдающимися достижениями, это само дыхание и пульс горного марафона, это Конжаковский кислород в чистом виде, отдельная неевклидова физика, особая онтология, особый образ будущего, особая когнитивная парадигма, это титанический труд в течение всего года, административные согласования, обеспечения порядка, безопасности, работа по подготовке трассы, разметка, и все это нужно делать загодя, быстро, наверняка, без никаких шансов на то, что что-то сорвется, что-то не получится. Для поддержания вращения маховика по подготовке марафона приходится не один раз в день в течение всего года забегать на баррикаду и отражать атаки сомнений, колебаний, провололок, вакуума, да и просто равнодушия.

По мере приближения к вершине, прыг да скок, в стиле пиццикато Паганини, на фоне усталости и пикового напряжения нарастает и внутренняя радость, ибо задача на 90 процентов выполнена, ура, потому что обратный путь - это почти полностью спуск, но радость быстро сменяется на новые испытания: ловля уже неуклюжими ногами опоры наощупь, стрелка бака гликогена вдруг без всякого предупреждения падает на ноль, несчастные полтора процента горного уклона полностью лишают тебя дыхания, судороги от чуть неловкого движения на корнях и все - стоишь ты в обнимку с березой, пока не отпустит, тотальное истощение, несмотря на многие бутерброды с салом, которые уже и не лезут, километры до финиша на счетчике убывают очень медленно, а последние пять километров и вовсе кажутся бесконечными, каждый шаг, каждый метр кажется, что прокручивается в замедленной съёмке, в состоянии гротеска начинаешь подозревать, что горизонт играет с тобой в очень злую фату моргану.

Конжак - это не только турбаза в советские годы в поселке Кытлым и значок туриста СССР, но уже и часть культурного кода городов, скученных к Уральскому хребту, и этот Конжаковский транзистор на электронной плате всякого краснотурьинца, карпинца и т.д. по всем

населенным пунктам время от времени, когда вдруг задумаешься ни о чем или повернешь голову ни с того ни с сего в сторону Главного Уральского хребта, начинает мигать, помигивать, и волна волнения, пузырьки адреналина, толчок кортизола вдруг начинают заполнять твой организм, и ты вспоминаешь, что у тебя скоро Конжак, и его не обойти, не пропустить, не уклониться, и уже мозг по всем центральным и периферийным каналам начинает заводить перестройку метаболизма, и митохондрии, отложенные про запас только на Конжак, начинают регулярный расчет по утрам на первую-вторую.

Человек, отученный цивилизацией бороться со стихиями, когда пещера, шкура, трут и праща были единственными средствами производства и выживания, но человек, собравшийся на Конжак, так включает режим максимального напряжения, всеобщей мобилизации, чтобы организм наглядно показал рефлексирующему органу человека, доказал самому себе, что регулярные серьезные усилия и напряжения, они и необходимы, и обязательны, и прописаны, и, только пройдя через такую очередную полосу препятствий, ты получаешь доступ к порталу, к трансцендентности, когда ты слышишь не только склянки рынды на обед, но и безмолвные, непроговоренные слова благодарности высшей силы, когда ты доказал, что очередной норматив ты сдал, не уклонился, и прилив редкого в обычной жизни и, казалось бы, беспричинного восторга наполняет весь твой организм, переводя его в особое агрегатное состояние, когда ты ощущаешь себя полноценной частью единого целого, сплошным факелом полной реализации своих сил.

Конжак это, конечно же, эстетика, природа, неприхотливая, не сильно приметная, скромная, но исключительно обаятельная, и в своих бетонных джунглях человек перестает различать оттенки зеленого, перестает различать размеры обычных берез от карликовых полярных, но уже через несколько минут погружения в мир Конжака, ты начинаешь любоваться простым плеопсидиумом ароматным (золотым булыжным лишайником), который живет сам по себе, безучастный, безразличный к суеде и переменам погоды, ибо живет космическими мерками и временем, обособленным от пространства, и безучастность и молчание мегалитического равнодушия этого лишайника, который наравне общаться может только с самой вечной, неизменной гравитацией, так же обжигает своим абсолютным минусом, как и предельными градусами большого взрыва. И все малые формы уральской красоты, от снежников до родиолы розовой, на фоне всего этого большого движения масс, выступают противовесом, балансиrom, турбийоном всему этому топоту, гомону, гаму, «дорогу, берегись, посторонись», ибо не за ради ли такой неприметной красоты мы и живем, и жуем, и бегаем, и даже спим?

После того как ты все-таки невероятным усилием притянул канатом к себе финиш, следующий момент - это питье, это средних размеров ведро, потом погружение в прохладные воды слияния рек Катышера и Лобвы. Снять кроссовки проблема – судороги не дают согнуть ногу, сидишь, маешься и с пятой попытки тебе удастся опередить, упредить судорогу и скинуть кроссовки с ноги, и вот ты идешь по острой гальке и отдаешься этой беспокойной стихии горной воды, но не долго, потому что судороги начинают цеплять ноги уже не только из-за полного отсутствия магния, натрия и прочих электролитов, но и по причине прекращения периферийного кровообращения – горная вода все-таки своенравная, и пока она бежит, она держит температуру талого снега. Потом всю неделю после, перед тем как встать со стула, долго думаешь, получится ли оно с первого раза, перед тем как сделать первые шаги, внимательно смотришь, нет ли помех, препятствий, резких поворотов – так опорно-двигательный аппарат приходит в себя, как после контузии, после нескольких часов энергичной и безжалостной сальсы по каменоломне.

Конжак - как много в этом слове...

И только глядя на медаль, хитро подмигивающую тебе на неярком свете кастрюли с борщом, ты, лежа без сил и со вздыбленными вверх ногами, понимаешь, как бесконечно ты благодарен Конжаку.